

## СПОРТИВНЫЕ ЗАНЯТИЯ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ВИРГИНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

П. В. Востриков

*Курский государственный университет*

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

**Аннотация:** колониальная Виргиния характеризовалась многообразными проявлениями неравенства различных классов общества, что можно было наблюдать в одежде, типах жилищ, характере труда, местах, занимаемых в церкви, а также видах досуга. Принцип иерархии соответствовал характеру иммиграции и переносу на американскую почву культуры определенного склада, где самая убогая нищета сосуществовала с показной роскошью. Игры с мячом, имеющие массовый характер, не были популярны в Виргинии. Самыми престижными видами спортивного досуга, в которых чаще всего могли принимать участие только представители правящей элиты, были скачки и охота на оленя, далее или петушиные и кулачные бои, а также охота на более мелких животных. Социальный статус виргинца проявлялся даже в размере животного, на которое позволялось охотиться. Часто виргинский спорт носил кровавый характер. Тенденции некоторой демократизации общества, усилившиеся к концу колониального периода и во время революции, привели к ослаблению классовых различий. Многие виды спорта, бывшие под патронажем джентри, утратили популярность и престиж.

**Ключевые слова:** колониальная Виргиния, джентри, социальный класс, скачки, охота, петушиные бои, кулачный бой.

**Abstract:** typical for colonial Virginia were various manifestations of inequality among its social classes. One could observe these gradations in clothes, kinds of dwellings, attitudes to work ethic, leisure activities and even pews. This principle of hierarchy corresponded to the character of immigration and transplanting onto American soil of a definite cultural type in which the most abject poverty contrasted with the shameless demonstration of wealth. Ball games which suggested mass participation were not popular in Virginia. The most prestigious outdoor activities were horse races and hunting deer and participation in them was most often restricted to the ruling gentry elite. Then in this hierarchy followed cockfights and hunting smaller animals. A Virginian's social standing could be even defined by the size of an animal he was allowed to chase. Very often colonial sports had bloody character. Certain degree of democratization of the colonial society evident at the end of the colonial period and during the Revolution led to weakening of social stratification. Many kinds of outdoor activities that had been bolstered by the gentry eventually lost their popularity and prestige.

**Key words:** Colonial Virginia, gentry, social class, horse races, hunting, cockfight, fistfight.

В настоящее время в американской исторической науке велик интерес к истории повседневности, в том числе и к такой проблеме, как занятие спортом. В российской американистике отсутствуют исследования, посвященные истории спорта в США в колониальный период. Между тем переселенцы в Виргинию сохранили традиционную любовь англичан к активной жизни на свежем воздухе. Представления о спорте в XVII–XVIII вв. отличались от нашего современного восприятия [1]. Чаще спорт ассоциировался с охотой и рыбной ловлей: «Для своего отдыха они [виргинцы] имеют плантации и сады для пеших прогулок... Они занимаются охотой и рыбной ловлей, находя сотни способов развлечь себя» [2, р. 127].

В колониальное время характер спортивных развлечений в Чезапикском заливе отличался от новоанглийских не только своими разновидностями, но и

тем, какая связь проявлялась между видами спорта и классовой иерархией [3, р. 360]. В повседневной жизни колониальной Виргинии классовое неравенство отражалось в самых разных проявлениях: в одежде, типах жилищ, характере труда, местах, занимаемых в церкви, а также видах досуга. Строгая иерархичность являлась следствием характера иммиграции, переносом на американскую почву определенного типа культуры, где, в отличие от Новой Англии, отсутствовал «средний класс», а самая убогая нищета сосуществовала с показной роскошью.

Пуритане Новой Англии, одержимые идеей построить «Град на холме», стремились к строгой организации всех форм общественной жизни. Этот принцип касался и спортивных мероприятий. Спорт признавался «законным развлечением», так считал известный теолог Дж. Уинтроп. Он поощрялся в среде молодых людей, особенно среди тех, кто нес службу в милиции, и находил богословское обосно-

вание, за исключением тех случаев, когда проявлялось слишком много страсти. Однако существовал и ряд ограничений: был запрет на тренировки по воскресеньям, не поощрялись скачки и азартные игры. Среди видов забав особенно популярными были две игры с мячом. Они явились синтезом пуританских идеалов и английских обычаев. Одна из этих игр называлась бостонская игра (Boston Game), другая – новоанглийская игра (New England Game), которую также называли городской мяч или круглый мяч (town ball / round ball). Сейчас мы знаем эти игры как американский футбол и бейсбол. Классический американский футбол постепенно приобретал строгую, ограниченную правилами форму на протяжении XVIII столетия, то же можно сказать и о бейсболе. Те игры, что признаются в наши дни национальными видами спорта в США, возникли именно в Новой Англии. Они носят черты специфической пуританской культуры: это сочетание индивидуальности с умением работать в команде, это мощь и порядок, целеустремленность и упорство [Ibid., p. 146–151].

Игры с мячом (любимое спортивное развлечение в Массачусетсе) были практически неизвестны в южных колониях, где самым известным видом соревнований были скачки. «Физические упражнения столь же необходимы, как и чтение. Я даже скажу, что они важнее, ибо хорошее здоровье более ценно, чем учение. Сильное тело и ум сделает сильным», – писал Томас Джефферсон [4]. Но как виргинский джентльмен Джефферсон имел особое восприятие спорта, свойственное представителям его круга в определенный исторический период. Джентри с недоверием относились к играм с мячом. Томас Джефферсон в одном из писем отмечал, что «игры с мячом слишком тяжелы для тела и не приносят пользы уму». Джефферсон предпочитал традиционные виды отдыха для представителя виргинского джентри: верховую езду и стрельбу [5, p. 407].

Для социального развития Виргинии с первых лет основания колонии были характерны постоянные политические брожения, бунты кабальных слуг, индейские атаки и восстание Н. Бэкона. К концу XVII в. уже наблюдалась относительная стабильность. Правящий класс джентри достиг консолидации. Довольно большая часть этого класса была рождена в колонии, историки называли их «креольской элитой». В своих политических решениях они достигали в большей степени консенсуса, чем их отцы-иммигранты. Они монополизировали важнейшие должности, обладали патентами на землю и могли организовать слаженное сопротивление политике неугодных губернаторов, таких как Томас Калпепер, Френсис Николсон, Александр Спотсвуд. Кроме того, произошел заметный сдвиг в расовом составе плантационной рабочей силы. Африканские рабы были менее

организованы, чем белые кабальные слуги, они были оторваны от своих корней и испытывали культурный шок от попадания в неволю, следовательно, ими было легче управлять. К началу XVIII в. Виргиния была двухрасовым обществом, в котором небольшая прослойка плантаторов осуществляла власть над массой черных рабов и небогатых белых поселенцев [6, p. 149–150]. Различные проявления местной культуры отражали устоявшийся социальный порядок. Это проявлялось и в том, как колонисты проводили свободное время, какими забавами увлекались. С середины XVII в. в Виргинии существовала иерархия видов спорта, которая соответствовала общественной стратификации и была закреплена законом. В 1691 г. по указу губернатора Френсиса Николсона началось проведение ежегодных соревнований, так называемых «полевых дней» (field days), с вручением призов за демонстрацию силы и ловкости. Проводились состязания по бегу, борьбе и стрельбе. Участниками этих турниров могли быть «только лучшие виргинцы» [3, p. 360; 7, p. 252].

Участвовать в скачках и ставках на лошадей также могли только представители джентри. Все другие могли только пополнять число зрителей. Желаям принять участие из других слоев общества это было запрещено, хотя и находились охотники нарушить запрет. Судам приходилось порой вмешиваться в ход этих турниров с разъяснениями, что только джентри имели право делать ставки. «Джеймс Баллок, портной, принял участие в скачках, используя свою лошадь вместе с лошадью мистера Мэтью Слейдера, поставив две тысячи фунтов табака, что является нарушением закона... Ему был присужден штраф в сто фунтов табака. В другом случае некто Томас Девис, “очень бедный человек”, проиграл пятьсот фунтов табака и корову с теляткой на скачках. Судьи сочли, принимая во внимание, что он был обременен женой и детьми, что если губернатор посчитает действия и ставки Девиса незаконными, то его следует привлечь к общественным работам на строительстве моста» [6, p. 156–157].

Скачки часто были спонтанным событием. При чем они могли состояться в воскресенье, после церковной службы, когда имело место большое собрание людей, так что и священники принимали в них участие. В одном суде сохранилось свидетельство Джеймса Блэра, священника и президента Колледжа Уильяма и Мэри, в спорном деле о выигрыше [8, p. 201]. Также скачки проходили в дни судебных заседаний. Разогретые алкоголем, джентри обсуждали достоинства своих лошадей и делали ставки. Судьи сами могли увлечься скачками, и тогда они покидали помещение суда. Беговые дорожки были, как правило, только десять-двенадцать футов в ширину и четверть мили в длину. Иногда дорожки очерчивались изго-

родью, бывало, что толпа зрителей исполняла роль ограды. Неистовых лошадей, яростно бьющих копытами, пытались сдерживать на стартовой линии наездники, направляя лошадиные головы в сторону финиша, пока выстрел пистолета не приводил эту массу в стремительный бег. Завершение гонки вызывало взрыв аплодисментов со стороны болельщиков победившей партии [9, р. 99].

Ранние скачки в Виргинии часто носили характер кровавого спорта, когда жокеи-джентльмены наносили друг другу удары кнутом и шпорами, локтями и коленями, чтобы вывести соперника из равновесия, но иногда они заранее договаривались о «честной гонке», в которой не было столь жесткой борьбы. Скачки демонстрировали не только скорость скакунов, но и боевые навыки наездников. Обычай поощрял делать чрезмерно высокие и рискованные ставки. Размер ставок в сотни, даже тысячи фунтов табака не был редким явлением. Позволить себе рисковать такими средствами могли только богатые плантаторы [Ibid., р. 98–100]. Судебные документы сохранили имена самых важных лиц участников: Рэндольфа, Джефферсона, Паркера, Хардимана, Вашингтона и др. [6, р. 156].

Азартные ставки на скачках, а также в карточных и других настольных играх отражали стремление джентри к доминированию в обществе, где игры и скачки были одним из видов законных развлечений, такими же, как и хороший обед с друзьями или неспешная охота в лесу. Когда богатый плантатор делал крупные ставки на свою любимую лошадь, он демонстрировал важнейшие элементы культуры джентри – конкуренцию, прагматизм, индивидуализм. Конкуренция в азартных играх для многих джентльменов являлась средством приведения в действие определенных ценностных установок. Это была агрессивная демонстрация их индивидуализма. Крупные плантаторы жили в больших особняках со своими большими семьями и хозяйством, отождествляя себя порой с библейскими патриархами. В конкурентной борьбе с другими плантаторами они стремились добиться больше земли, богатства, улучшить положение в обществе. Непрестанная конкуренция, несмотря на классовое единство, определяла отношения между представителями джентри в экономической жизни, а участие в карточных играх порой всю ночь напролет и скачках было игровой формой, культурной проекцией этой конкуренции. Игра имела форму ритуала, она выражала стандартные повторяющиеся формы поведения. Игровое поведение было проявлением общественного согласия, в котором каждый участник был волен определять размеры ставки. Джентльмен, принимая игровые вызовы, сознавал риск потерять свои материальные блага, так же как и персональную честь. Игра была отражением неспо-

койной жизни, когда рисковать приходилось постоянно: рабы могли заболеть и умереть, цены на табак неожиданно падали, корабли с ценным грузом тонули. Азарт не являлся признаком того, что джентри страдали тем, что в наши дни мы именуем игровой зависимостью, риск в игре был традицией. Что касается деловых сделок, они, наоборот, стремились избегать риска, являя образец рациональности [Ibid., р. 157–158]. Но порой страсть ставить высокие ставки соznавалась как саморазрушение. Сохранилось завещание Роберта Пейджа из Ганновера 1765 г., в котором он запрещал своим сыновьям даже приближаться к местам проведения скачек [7, р. 257].

Скачки вызывали больше интереса, чем азартные игры за столами в тавернах, а лошади были показателями социального статуса, продолжением личности плантатора. Без лошади плантатор был презираем, обладание лошадью, наоборот, повышало его престиж как в собственных глазах, так и в восприятии окружающих. В некоторых случаях джентльмены опасались отправляться даже на незначительное расстояние куда-либо пешком из тщеславного опасения произвести нежелательное впечатление [10, р. 49]. Эндрю Бёрнаби писал: «Джентльмены Виргинии невероятно увлечены конскими скачками, они не жалеют ни средств, ни сил, чтобы улучшить их породу, и заказывают большое количество лошадей из Англии» [11, р. 44].

Другим признаком статуса джентри была игра в бильярд, увлечься которой могли позволить себе только состоятельные люди. Только джентри обладали достаточным количеством свободного времени и материальных средств [12, р. 12].

Петушиные бои были наиболее доступной формой стремления к удовлетворению азартных страстей. В них, как правило, больше участвовали плантаторы средней руки, хотя к середине XVIII в. петушиные схватки привлекали больше внимания со стороны джентри. Например, даже рабы могли в своем кругу организовать подобное мероприятие, о чем сохранились свидетельства Филиппа Фифиана [9, р. 103]. Петухи сражались один на один насмерть, главный приз доставался партии, добившейся наибольшего числа побед в таких состязаниях. Историк Рис Айзек утверждает, что не сохранилось наглядных описаний, как петушиные бои проходили в первой половине века, но отмечает, что многие путешественники оставили об этом свидетельство в революционный период. Вот как Елкана Уотсон, предприниматель-янки, описывает атмосферу такого события в Саутгемптон-каунти: «Дороги, по мере приближения к месту действия, были заполнены телегами, повозками, лошадьми, пешими, неграми и белыми. Несколько домов образовали площадь, посреди которой возвышался помост, вокруг можно было видеть многих джентльменов,

смешавшихся с многоликой толпой самого простого народа. Принесли невероятно красивых петухов, они были вооружены длинными острыми стальными наконечниками, натянутыми на их естественные шпоры... Ставки были высоки. Было ясно, что маленькие герои хорошо готовились к боям и не обращали никакого внимания на шумную толпу. Они выступали с гордостью и достоинством, медленно приближались друг к другу, затем бросались в бой... Смертоносные шпоры вонзались в тело, иногда проходили сквозь голову. Бывало, один из петухов или сразу оба падали замертво при первом же ударе, но часто бои продолжались долго, с многочисленными ударами и ранениями, так что петухи уже передвигались ползком, в смертельной агонии стараясь поднять голову и провести последнюю тщетную атаку на своего противника» [13, р. 261–262]. Были настоящие петухи-чемпионы, проводившие около пятидесяти боев, следовательно, сумевшие выжить. Такие бои были чрезвычайно популярны среди всех слоев населения, и если кто-то объявлял о предстоящем бое, новость мгновенно разносилась повсюду, так что об этом узнавали фермеры, находящиеся и за тридцать-сорок миль, и собиралось большое количество зрителей [9, р. 102–103].

С середины XVIII в. петушиные бои оказались под патронажем джентри, и были выработаны четкие правила, а о предстоящих поединках между округами можно было узнать из «*Virginia Gazette*». Бои приурочивались к религиозным праздникам, приглашались даже дамы, и вечером иногда устраивался бал. Самым известным состязанием подобного рода явился матч между джентри «нижних и верхних земель» в Уильямсбурге в мае 1773 г. [14, р. 155–157].

Многие другие развлечения колонистов носили весьма жестокий и кровавый характер. Общественное положение любого мужчины соответствовало в данном обществе размеру животного, которого дозволялось убивать на охоте [3, р. 362]. Самой престижной считалась охота на оленя. Это был издавна спорт королей и дворян, в Виргинии окруженный той же помпой и ритуалом, что и в Европе. На второй ступени данной иерархии стояла охота на лис, сначала презиравшаяся высшим сословием, но в XVIII в. ставшая престижной, благодаря деятельности семьи Мейнел, когда были придуманы новые правила для этой вульгарной забавы. Американские виды лис отличались от британских не только внешним видом (они были серого цвета), на них было труднее охотиться, поэтому джентри в Виргинии не жалели денег на импорт лисиц из Англии [Ibid., р. 262–263]. Письма той эпохи содержат множество свидетельств популярности этого времяпрепровождения. В 1756 г. Уильям Стивенс из Гановер-каунти писал в Лондон Натаниэлю Филиппу: «Этим утром я отправился на

лисью охоту с несколькими джентльменами, мы отлично провели время, а после четырех часов преследования мы убили лису». Большим энтузиастом охоты на лис был и Джордж Вашингтон. Об этом говорят многочисленные записи в его дневниках и письмах. Брайан Ферфакс в 1768 г. приглашал Вашингтона: «Я буду рад, если вы составите мне компанию, когда вам будет удобно провести здесь три-четыре дня или больше» [7, р. 259]. Вашингтон был превосходным наездником, сильным и крепким, и выработал характер, который отвечал всем требованиям, необходимым для начала хорошей политической карьеры.

Порой охота на лис принимала формы совсем уже варварского развлечения, когда не только лисы, но и зайцы, кролики, бурундуки, крысы подвергались преследованию и уничтожению с помощью специально натренированных собак (*sport of coursing*). Иногда энтузиазм был так велик, что проходило несколько таких «пробежек» в день [2, р. 254–255; 3, р. 363].

Мелкие плантаторы и полевые работники практиковали стрельбу по птицам разных размеров по особым правилам. Любимым спортом фермеров было ощипывание гуся (*ganderpillling*). Гусь подвешивался за ноги к ветви дерева, а длинная его шея смазывалась жиром. Участники состязания галопировали мимо гуся, стараясь на скаку оторвать голову несчастной птицы. Часто это заканчивалось печально для участников – падением с лошади и тяжелыми травмами, даже смертью. Некоторые теряли пальцы в клюве разъяренного гусака. Но по ходу состязания шея птицы все более растягивалась и слабела, пока какой-нибудь деревенский чемпион не отрывал, наконец, гусю голову, получая затем целого гуся в качестве приза. Это состязание вызывало много энтузиазма и собирало толпы участников и зрителей. По иронии христианского календаря традиция проведения этих варварских забав приходилась на первый понедельник после Пасхи.

Молодые подмастерья во время *Shrovetide* (англосаксонского подобия масленицы) привязывали курицу или петуха к колышку и, отойдя на некоторое расстояние, начинали бросать в птицу камни. Такой спорт назывался *cockshailing*. Это было время, когда таким образом забивали много домашней птицы.

Мальчики младшего возраста занимались «удушением воробья» (*muzzling the sparrow*). Мальчик со связанными за спиной руками держал воробья за край крыла или лапки, пытаясь откусить крыло или голову, в то время как птичка отчаянно стремилась вырваться, нанося удары клювом в щеки и глаза.

Самые юные мальчики, готовясь к охотничьим забавам зрелого возраста, мучили змей, отрывали лапки лягушкам и крылья мухам и бабочкам. Таким



образом, среди мужчин Виргинии было распространено живодерство разных масштабов, размер жертвы при этом соответствовал месту в социальной иерархии или возрасту [3, р. 363–364].

Важным местом для самоутверждения мужчин из разных слоев общества являлись таверны, назначение которых не ограничивалось продажей еды и напитков. Клиенты принимали участие в азартных играх разного рода: карты, кости, бильярд, нарды. Они могли порой так увлечься этими забавами, что проводили в таверне всю ночь, о чем с удивлением писал французский путешественник. Не обошла его внимание яростная манера с силой швырять кости и бить кулаком по столу [15, р. 148]. Также особая манера вести разговор была характерна для таких мест. Игроки упражнялись в остроумии и нарочно говорили очень громко. Такие обмены мелкими колкостями, сопровождавшиеся громким хохотом присутствующих, иногда незаметно могли перейти в явные или мнимые оскорбления. Несмотря на официальный запрет, многие джентльмены носили шпаги, так что словесные баталии часто имели фатальные последствия. Существовали правила этикета при игре, и было стремление соблюдать некоторый декорум для застольных бесед, при произнесении тостов, но все же царившие жесткие нравы часто приводили к взрывам насилия среди плантаторов-середняков. Задетое самолюбие требовало удовлетворения в импровизированных боксерских и борцовских поединках. Повсюду среди беседы, веселья, игры, безудержного хвастовства и кажущейся беззаботности могла вспыхнуть яростная ссора. Зеваки образовывали круг и требовали соблюдения правил боя, которые, впрочем, часто позволяли даже слишком многое: удары ногами, удушения, укусы, вырывание глаз и др. [9, р. 95]. Один англичанин, комментируя это явление с отвращением, отмечал, что кодекс чести тем не менее соблюдался: дерущиеся договаривались перед началом схватки о методах и ограничениях и, несмотря на жестокость, проявляемую в драке, не нарушали своего соглашения. Однако он также свидетельствовал, что хотя существовал запрет на вырывание глаз, принятый Ассамблеей, эта дикая практика все равно была распространена. Он даже встречал одного бойца, считавшегося весьма грозным в приемах вырывания глаз, который отрастил очень длинные ногти на своих указательных и больших пальцах и каждый вечер закалял их в пламени свечи [Ibid.]. Елкана Уотсон был свидетелем того, как участник драки перед зданием суда в Ганновере сумел спасти свой глаз в трудный момент, своевременно выкрикнув условный клич [9, р. 98; 13, р. 60].

Представители верхнего слоя общества иногда проявляли интерес к жестоким видам состязаний,

таким как борьба и бокс, но, скорее, как зрители, причем рабы были вынуждены выступать в роли гладиаторов. Часто проходили организованные боксерские поединки между рабами с разных плантаций. Доход, получаемый в ходе таких встреч, часто превышал выигрыши на скачках, а наиболее сильные бойцы выигрывали целые состояния для своих хозяев, а во многих случаях рабы могли переходить от одного плантатора к другому в результате проигрыша или победы. У сильных бойцов был шанс даже приобрести свободу [12, р. 14]. Самым ярким примером такого кулачного бойца является Том Молино, выступавший уже в постреволюционной Америке. Добившись свободы, он отправился из родной Виргинии в Англию, где продолжил свою карьеру и стал международной знаменитостью [16, р. 34–36].

Несмотря на все тяготы неволи, многие рабы принимали участие в спортивных развлечениях разного рода по воскресным и праздничным дням. Среди них были популярны игры с мячом, игра в кольца, бег, прыжки и борьба. Часто плантаторы использовали своих рабов для участия в гребных состязаниях, а также для присмотра за бойцовыми петухами. К сожалению, историкам достаточно трудно сейчас восстановить культурные особенности, характерные для подневольного населения южных колоний, как из-за скудости письменных источников, так и скрытности рабов и их потомков, не склонных распространяться о своем быте, своих религиозных и культурных традициях. В этой области следует отметить работу историка Т. Дж. Деш Оби, в которой он приводит пример афроамериканского боевого искусства *энголо*, имеющего ангольские корни и перенесенного в южные штаты, наиболее известного в Южной Каролине [12, р. 14; 17].

О спорте и развлечениях среди виргинских индейцев Роберт Беверли писал следующее: «Их спорт и развлечения включают пение, танцы, инструментальную музыку и некоторые энергичные игры, во время которых они бегают, прыгают, хватают друг друга. Среди них распространена игра, для которой требуются целые пригоршни маленьких палок или жесткой соломы, они манипулируют ими с невероятной ловкостью» [2, р. 75]. Индейцы вообще проводили время на свежем воздухе, в непрестанной охоте и рыбной ловле, и даже англичане научились у них мастерить запруды. Но это было их естественным образом жизни, а не способом праздного времяпрепровождения. В XVIII в. индейские племена уже были вытеснены на периферию Виргинии, те из них, что появлялись в Уильямсбурге, были представителями племен, обитающих в глубине страны.

Гребной спорт был одним из немногих популярных развлечений, не связанных с насилием и жесткой борьбой. Катание на лодках и прогулки в лесу были весьма популярны среди женщин. Филипп Фифиан

оставил нам интересное воспоминание о спортивном событии, которое произошло в местечке Таппахэннок на реке Раппахэннок. Правда, здесь он отмечает, скорее, не перипетии состязания, а воссоздает примечательную атмосферу, царившую среди зрителей и болельщиков во время гонки и после нее. Он был в большой компании дам и джентльменов, которые наблюдали за гребцами с палубы судна «Бофорт» и наслаждались великолепным приемом, оказанным капитаном Добби. Затем был бал в доме мистера Ричи, богатого купца, а два скрипача исполняли музыку для менуэта и других танцев. «Долли Эдмунсон, невысокая, коренастая, красивая девушка хорошо танцевала и пела, она вызвала бурю аплодисментов... Клерк мистера Ричи, подвижный, хорошо одетый приятный молодой человек, казалось, увлекался ей, а она была влюблена в него... При выходе из зала он крепко обнял ее... Вся компания отправилась спать в три ночи после долгого дня, проведенного в постоянных физических упражнениях и вечером употреблении необычно большого количества спиртного» [7, р. 261].

Суровый быт Виргинии создавал известное братство между плантаторами, несмотря на различия в возрасте и жесткую конкуренцию. Они проводили свою жизнь на свежем воздухе, спорт позволял выявить среди них самых сильных и достойных. Но американская революция вызвала массовое стремление к преодолению барьеров между различными слоями общества, что было основано на максиме «все люди созданы равными». Хотя классовые отличия, конечно, продолжали существовать, но спортивные состязания, за исключением скачек, находившиеся под патронажем джентри, постепенно утратили свою популярность. Эти игрища, скорее, стали достоянием провинциальных деревенских клубов, и их влияние на широкую публику стало незначительным [12, р. 13].

С колониальных времен спорт является зеркалом американской жизни, в котором отражаются попытки создать воображаемую альтернативу повседневной реальности. Современный исследователь Роберт Грудин видит в любви американцев к жестким видам спорта, таким как американский футбол, бокс, автогонки и хоккей, проявление общего вульгарного характера американской культуры [18, р. 7]. Можно оспаривать подобную точку зрения, а также тезис о «безыскусности американской культуры» [19, р. 162–175], но следует помнить о корнях этих явлений, что связаны с суровыми реалиями освоения и покорения

первобытной американской природы, влиянием духа фронта и высокой степенью конкуренции среди преобладающего мужского населения на раннем этапе американской истории.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов В. Н. Откуда на самом деле взялось слово «спорт» / В. Н. Смирнов. – Режим доступа: <http://coach-s.narod.ru/sport2.html>
2. Beverley R. The History and the Present State of Virginia. – Richmond, 1855.
3. Fischer D. H. Albion's Seed. Four British Folkways in America. – Oxford, 1989.
4. Thomas Jefferson to John Garland Jefferson. – Mode of access: <http://www.wm.edu/athletics/index.php>
5. Thomas Jefferson to Peter Carr, 19 Aug. 1785 // Jefferson Papers / ed. by Boyd. Vol. 2. 1876.
6. Breen T. H. Horses and Gentlemen : the Cultural Significance of Gambling in Colonial Virginia // Puritans and Adventurers. Change and Persistence in Colonial America. – Oxford, 1980.
7. Stanard M. N. Colonial Virginia : Its People and Customs. – Philadelphia, 1917.
8. Bruce Ph. A. Social Life in Virginia in the Seventeenth Century. – Richmond, 1907.
9. Isaac R. Transformation of Virginia. 1740–1790. – Chapel Hill, 1982.
10. Jones H. The Present State of Virginia. – N. Y., 1865.
11. Burnaby A. Burnaby's Travel through North America. – N. Y., 1904.
12. Crawford R. America Plays : Sports in Colonial Times // American History through Sports : From Colonial Lacrosse to Extreme Sports. – Santa Barbara, 2013.
13. Watson E. Men and Times of the Revolution ; or the Memoirs of Elkanah Watson. – N. Y., 1856.
14. Carson J. Colonial Virginians at Play. – Charlottesville, 1965.
15. Durant de Dauphine. A Huguenot Exile in Virginia : or Voyages of a Frenchman Exiled for his Religion with a Description of Virginia and Maryland. – N. Y., 1934.
16. Gorn E. J. The Manly Art : Bare-Knuckle Prize Fighting in America. – N. Y., 1986.
17. Desch-Obi M. T. Fighting for Honor : the History of African Martial Art in the Atlantic World. – University of South Carolina Press, 2008.
18. Grudin R. American Vulgar. The Politics of Manipulation versus the Culture of Awareness. – N. Y., 2006.
19. Tashjian D. The Artlessness of American Culture // Making America. The Society and Culture of the United States. – Chapel Hill, 1992.

Курский государственный университет

Востриков П. В., соискатель кафедры всеобщей истории

E-mail: [bursin1970@yahoo.com](mailto:bursin1970@yahoo.com)

Тел.: 8 (732) 244-32-63

Kursk State University

Vostrikov P. V., Researcher of the History Department

E-mail: [bursin1970@yahoo.com](mailto:bursin1970@yahoo.com)

Tel.: 8 (732) 244-32-63